

ПРОТИВОРЕЧИЯ СТРАСТЕЙ

В среду в ГАБТе состоялся очередной балетный спектакль. Вообще-то принято считать, что подобные события в театре оперы и балета в порядке вещей, но в нашей фантастической жизни все вверх ногами — и оно попало едва ли не в разряд сенсаций. Во всяком случае, ИТАР-ТАСС счел необходимым сообщить: прошла «Жизель» — и никаких эксцессов!

И то сказать, удивительно. Артисты Большого так долго размахивали забастовочным знаменем, что уже приучили общественность жить в ожидании эксцесса. Но зритель, пришедший на предыдущий афишный балет — «Ромео и Джульетта», видимо, оказался неискушенным: эксцесс в виде неожиданной отмены спектакля его обескуражил и расстроил. И с чего бы это, спрашивается? Ведь пообещала же балетная труппа когда-нибудь в другой раз отыграть для него тригическую историю любовников из Верони!

Простодушие балетного коллектива поистине границ не знает. Он, например, категорически не желает отвечать за содеянное — на том основании, что акцию протеста против вынужденного ухода из театра своего вождя и учителя Юрия Григоровича не плани-

ровал. Она, мол, возникла стихийно, выплеснулась, как крик отчаяния, возгорелась, как пламя от случайно оброненной спички. Коллективное состояние аффекта — это, конечно, понятно, это по-нашему. Да вот только компетентные источники еще днем раньше не исключали подобного проявления отчаяния. Впрочем, отчаявались, как постепенно выясняется, не все: кто-то вообще протестовать на сцену не вышел, а кто-то вышел, да за акцию — тут же, стихийно — не голосовал. Последовало и осудившее ее письмо за 54 подписями, в том числе и участников отмененного спектакля.

Но вернемся к плану — точнее, к спичке. Будто бы перед началом спектакля стало известно — ну слух прошел, ясное дело, — что генеральный директор В. Коконин, не подписавший еще заявления Ю. Григоровича об уходе и в то время, как он говорит, вообще не собирающийся его подписывать, отдал распоряжение службе охраны не пускать главного балетмейстера в театр! «Я что, похож на сумасшедшего?» — спрашивает генеральный директор вместо разъяснений. Как ни странно — учитывая то, что творится последний год в руководимом им театре, не похоже...

А вот Юрий Николаевич,

оказывается, имеет обыкновенные многозначительно напоминать о том, что старика Петипа в свое время не велено было пускать в родной его Мариинский театр. Но по утверждению того же В. Коконина, он в принципе готов выписать Юрию Николаевичу бессрочный пропуск, так что участи Маркуса Петипа Ю. Григорович, если действительно опасается, видимо, может спокойно избежать...

Что бы там, однако, ни утверждал генеральный директор, министр культуры Е. Сидоров, все равно ему не поверит. «Опытный чиновник... по существу участвовал в провоцировании этой акции», — клеймит он В. Коконина не страича «Московского комсомольца». Вывод: Коконину за все и отвечать. А «реформы» в Большом театре надобно начинать со снятия генерального директора... А ведь занимательно, что такую потрясающую неприязнь к чиновнику испытывает человек, сам недавно поменявший творческую работу на чиновничье кресло! Интересы творческого коллектива театра Е. Сидоров блюдет, однако, странно.

Не он ли пекся о том, чтобы Ю. Григорович остался в Большом? Но когда из-за его же сопотрясения застопори-

лось предложенное генеральным директором реформирование системы управления театром, он-то — а качества компромисса! — и предложил назначить В. Васильева худруком ГАБТа. Министр культуры недоволен тем, что заверенное ему министерством играет слишком малую роль в жизни Большого — но, позвольте, чтобы играть роль, надо же предвидеть реакцию! Ведь именно вест-то о назначении Васильева и спровоцировала Григоровича (он это не скрывал) подать свое второе заявление.

А вот и еще один парадокс: Е. Сидоров, ратующий за демократичность управления — «Создавшееся положение, когда театр зависит от воли одного человека, ненормально», — в итоге и «погубила» коллегию, которая имела хотя бы видимость демократичности, сама должна была выбирать своего председателя, да и художественные руководители творческих коллективов «шли» по конкурсу, а не назначались «аппаратно».

Кто, кого и на что тут спровоцировал — вопрос мудреный. Провокация — дело, как Восток, тонкое. Или как реклама — ее при желании в чем хочешь усмотреть можно. Когда только-только попопали слухи о назначении В. Василье-

ва, мы, например, обрелись за подтверждением в департамент культуры правительств. А в ответ получили просьбу не поднимать тему, дабы раньше времени не разжигать страсти: указ-то (или приказ) еще не подписан. Однако вскоре вице-премьер Ю. Яров сообщает об этом неподписанном назначении балерине Н. Бессмертной и дирижеру А. Жюйратису. Так что, выходит, и вице-премьер — тоже провокатор!

В. Коконин, все еще вопреки желанию министра, генеральный директор ГАБТа, тем временем и отвечает за случившееся, то есть принимает меры. Правительство (Ю. Яров) имеет от него докладную, и, видимо, оно ее прочло. Но пока безмолствует. (Согласно что ли?).

А меры таковы. Заявление Ю. Григоровича подписано. Подан иск в Московский городской суд о признании забастовки (стихийной, то есть) незаконной. Четырнадцать человек отстранены от работы — временно, пока будет вестись судопроизводство, а дальше — вплоть до увольнения. Балетмейстер-репетитор Н. Бессмертная и заведующий балетной труппой Ю. Ветров освобождены от этих должностей. Зрителям возмещают материаль-

ный ущерб. Артисты балета возмещают ущерб театру — сняты надбавки к мертвовой зарплате. Приостановлены переговоры с японцами о летних гастролях балетной труппы — дирекция опасается, что они могут быть сорваны. (Просто в голове не укладывается! Да разве раньше кто-нибудь бы мог подумать, что артист Большого театра «взмахнется» на святая святых — на зарубежные гастроли! Париж когда-то стоил обедни, а забастовка теперь, получается, стоит Японии? Даже симпатично).

Бастовавшие — волнувавшие мер этих не одобряют. Четырнадцать отстраненных обратиться за помощью в профком — они хотят работать! (А. Жюйратис, например, посетовал корреспонденту ИТАР-ТАСС на то, что ему не дали продиржировать «Жизель»). Но на «Ромео» был на сцене, а не в яме. Многие же артисты уверяют, что и стали бы танцевать, да музыка не звучала...

И, наконец Ю. Григорович (тоже ведь не последний, хотя, если подходить бдительно, вроде получается, что и не первое, звано в цепочку провокаций) — что ж, вот так вот после всей своей борьбы за труппу взял да и бросил ее на произвол судьбы! Поверг в отчаяние, хлопнул дверью — и с учениками не попрощался!

Н. ШАДРИНА.

Культура. - 1995. - 18 марта. - С. 1

Большой театр абсурда

45